

ОТВѢТЪ І. В. ГЕССЕНУ

Мнимость новгородскаго пробольшевизма. Національный характер ударныхъ темпов. Отцы, дѣти и внуки «октября»

Письмо І. В. Гессена в редакцію «Новаго Града» весьма выгодно отличается отъ большинства тѣхъ писаній, которыми маститые представители дореволюціоннаго эмигрантскаго сознанія с мѣста же атаковали нашъ миролюбивый журналъ.

Принося нашему благожелательному критику искреннюю благодарность за его раздумье надъ нашими исканіями, мы позволимъ себѣ не отвѣчать по пунктамъ на его недоумѣнія, а лишь еще разъ сформулируемъ нашу точку зрѣнія на выдвинутые имъ вопросы. Такая форма отвѣта представляется намъ уже по одному тому наиболѣе правильной, что никакихъ принципиальныхъ разногласій между нами в сущности нѣтъ: І. В. Гессенъ и самъ, вѣдь, пишетъ, что мы нащупали правильный путь. Разница между нами и нашимъ критикомъ — а таковая, конечно, имѣется — заключается, какъ мнѣ кажется, лишь в томъ, что, видя — и правильно видя — тяжелыя препятствія на нашемъ пути, І. В. Гессенъ как-то не рѣшается идти по нему, мы же рѣшаемся; но не потому, что не видимъ препятствій, а потому, что твердо вѣримъ: никакихъ иныхъ путей, кромѣ нашихъ, — нѣтъ.

І. В. Гессену сдается, что «почти всѣ возраженія, которыя встрѣтилъ «Новый Градъ», вызваны не столько недоразумѣніями, сколько опасеніями, что в нѣкоторыхъ нашихъ (новгородскихъ) высказываніяхъ «исторія найдетъ матеріалъ для оправданія (большевицкаго) преступленія». Мысль эта бьетъ в самую существенную точку нашей внутренней тяжбы с дореволюціоннымъ сознаніемъ эмигрантскаго антибольшевизма, который упорно пытается навязать намъ бальмонтовскую формулу: «Міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобъ можно было жить». О томъ, что мы этой формулы никакъ не исповѣдуемъ, говорить не приходится. Лично я, какъ дятелъ, во всѣхъ своихъ писаніяхъ выстукивалъ какъ разъ обратное. Все время твердилъ, что мы, живые свидѣтели міровой революціи, должны сдѣлать все от насъ зависящее, чтобы помѣшать тому затягиванію раны, тому превращенію безумія революціи в разумъ эволюціи, исторической вины в историческую неизбѣжность и крови — в революціонный колоритъ, надъ которымъ дружно работаютъ время, готовое все простить, и разумъ, готовый все осмыслить.

В этомъ пунктѣ, в невозможности все оправдать, все положительно осмыслить и принять, коренится самый глубокий пунктъ нашего расхожденія со всякимъ смѣловѣховствомъ и прежде всего с родственнымъ намъ во многомъ Евразійствомъ. Какъ разъ в послѣднемъ номерѣ «Но-

ваго Града» Г. Федотов писал в своем отвѣтѣ Устрялову, что для новгородцев слѣпое преклоненіе перед «огромным», «страшным» и стихійно-величественным процессом исторіи не приемлемо, что в этом преклоненіи сказывается не столько христіанскій, сколько гегельянскій дух Евразійства. Насколько вѣрно это мимолетное замѣчаніе, косвенным образом подтверждается тѣм, что евразійскій анализ большевизма и евразійское отношеніе к совѣтской власти близки к марксистским, а тѣм самым и гегельянским позиціям русских социал-демократов. И евразійцы, и социал-демократы одинаково боятся, как бы человѣческій «произвол» не спугнул историческаго развитія Россіи.

Новоградству, представляющему собою нѣкое возрожденіе славнофильски-народнической тенденціи, общая социал-демократам и евразійцам (этим православным марксистам) вѣра в разумность всего дѣйствительнаго так же чужда, как и общая обоим теченіям склонность принимать великія революціонныя событія за подлинно-реальное, духовное бытіе. Эта чуждость является, как мнѣ кажется, залогом того, что никакого матеріала для оправданія преступленія исторіи наши высказыванія собой не представляют.

Но если дѣло обстоит так благополучно, то почему же мы не в силах это внушить даже столь благожелательным к нам критикам, как I. В. Гессен? Почему и ему сдается, что мы, быть-может, и помимо своей воли, играем роль защитников большевиков перед судом исторіи?

Думается, что корень недоразумѣнія заключается в слѣдующем. Да, мы непримиримые враги большевизма, но большевизм представляется нам не извнѣ привнесенным ядом закапсулированно хранящимся в коммунистической партіи, а нутряной національной стихіей, издавна волновавшей русскія сердца. За разнузданіе этой стихіи в отвѣтѣ, конечно, большевики, я о за большевиков в отвѣтѣ всѣ: в отвѣтѣ и каждый борющійся против них русскій человѣкъ. Никакого примиренія с большевиками и с большевизмом эта точка зрѣнія в себѣ не таит. Наоборот, она лишь углубляет непримиримость, ибо многое, что можно простить другому и в особенности чужому, себѣ самому простить нельзя. И еще одно важно: только таким углубленным пониманіем большевизма не как внѣшней бѣды (землетрясеніе, мор и глад), а как внутренней вины Россіи перед самой собою, возможно принципиальное отмежеваніе от его глубочайшей сущности. Все нравственное убожество большевицки-революціоннаго міросозерцанія и нытекающей из него тактики заключается в том, что большевицкій марксизм не знает понятія с в о е й в и н ы, что у него виноват всегда другой: буржуй, империалист, соглашатель, капиталист и т. д. В этом связанном с марксистской идеологіей пролетарском фарисействѣ большевиков коренится основная причина их творческой немощи во всѣх сферах духовной культуры. Выход к твор-

ческому антибольшевизму, — не к механической революціи против него, а к положительному завершенію всего процесса русской революціи, — возможен поэтому только через принятіе на себя нравственной отвѣтственности за него. Это должно было бы быть особенно ясно для всѣх національно настроенных людей и групп, ибо национализм, особенно всякій духовѣрческій национализм, не может націю мыслить иначе, как живую и единую личность; личность же не расчленима на невиновных и виновных. Пока эти аксіомы не будут усвоены антибольшевицким сознанием, пока не разсѣются в прах военно-хирургическія иллюзіи реакціоннаго национализма, представляющаго себѣ, что большевизм можно ампутировать, как гангренозную голову С.С.С.Р., до тѣх пор дух большевизма будет нерушимо царствовать в Россіи, даже и в том случаѣ, если бы власть Третьяго Интернаціонала перешла в руки націоналистическаго фашизма.

Запретить кому бы то ни было считать такую точку зрѣнія на большевизм оправданіем большевицкаго преступленія перед лицом исторіи — нельзя. На поверхностный взгляд, привыкшій оправдывать все, имѣющее причинное основаніе, она и впрямь может показаться примиренческой. Раз большевизм органически вытекает из самой сердцевины Россіи, то в чем же вина большевиков? Нельзя же на самом дѣлѣ винить выросшее на дикой яблонѣ яблоко за то, что оно горькое! Яблоко винить, конечно, нельзя, нельзя винить и яблоню; нельзя потому, что понятіе вины к явленіям природы вообще не примѣнимо. Но не примѣнимое к явленіям природы оно не отмѣнимо в сферѣ духовной жизни. В отличіе от плодоваго дерева, древо жизни отвѣчает за свои плоды, и его плоды отвѣчают за его корни. Вся вина большевиков в том, что они вобрали в себя весь тайный яд Россіи, и вся вина Россіи в том, что в ней нашлось достаточно злых ядов, чтобы вызвать к жизни большевизм и на долго передать ему власть над собою.

Тѣм, кому всѣ эти «умствованія» кажутся ненужно-сложными и к жизни не примѣнимыми, я предлагаю задуматься над тѣм, сколько зла и глупости внесли — в особенности за послѣдніе годы войны и революцій — в политическую жизнь Россіи и Европы так называемыя «реальныя», «жизненные», — на плакатный манер упрощенныя мысли. Не даром гласит пословица: «Простота хуже воровства».

І. В. Гессену кажется, что мы недостаточно остро видим зло «ударных темпов» большевицкаго строительства и нецѣлостность стремленія во что бы то ни стало «догнать и перегнать» Америку. Думаю, что в отношеніи этого пункта можно было бы легко показать, что, отстаивая наличіе в совѣтском строительствѣ (в особенности в комсомольских рядах) подлиннаго пафоса и значительнаго техническаго успѣха, мы никогда не преувеличивали объективнаго смысла удар-

ных темпов. Что в утопизмѣ ударничества кроется нерв революціоннаго безумія, не подлежит, и по нашему мнѣнію, ни малѣйшему сомнѣнію. Тут мы с I. В. Гессеном вполнѣ согласны. Но, вѣдь, и эти «ударные темпы» не с большевиков завелись в Россію, да и мысль «собогнуть Америку» уже не так нова на русской почвѣ. Вѣдь, еще Гоголь восклицал: «какой же русскій не любит быстрой ѣзды!», и еще Лѣсковскій Лѣвша с таким подлинно русским искусством подковал стальную блоху... что она перестала прыгать. Все очень старья темы и не только для искусства, но и для русской общественной мысли. Начиная с Герцена собирались мы зайти в тыл капитализму и, обскакавъ Европу, первыми войти в царство социализма. Начиная со славянофилов, не переставали поносить право, как «могилау правды». Вся героическая исторія русской интеллигенціи проводилась в «ударных темпах». Многія завѣтныя русскія мысли были лихо задуманы, «мозгами на бскрень». Русская литература вся полна описаніями чудаков — одних помѣщиков англоманов, разорившихся на европейских нововведеніях, цѣлая галлерейя. Смѣшно сказать, даже Горькій, этот типичный представитель рационалистическаго просвѣщенства, и тот не без пафоса возвѣщал: «чудаки — украшеніе земли». Можно ли послѣ всего этого особенно удивляться «ударным темпам»? Не ясно ли, что, противоестественно сочетавшись со все упрощающим, да еще и упрощенно понятым марксизмом (тема упрощенія и опрощенія тоже не чужда Россіи, — один Толстой чего стоит), эта страстная, петербильвая, самовольная русская жажда «сгоряча ругнуть» старый и «сплеча рубнуть» новый мір, должна была в концѣ концов застыть над голодной Россіей желѣзо-бетонной заумью пятилѣтняго плана.

Того, «что дѣлается за кулисами пятилѣтки», мы не игнорируем, мы только ищем болѣе глубоких корней этой страшной закусности. Мы увѣрены, что дѣло тут не только в «преступности и глупости» большевиков, но в гораздо болѣе сложной и глубокой темѣ, в которую, на ряду с уже отмѣченными мною моментами русскаго сознанія, с самаго начала входил и все еще входит не только пролетарскій, но и мужицкій пафос новаго жизнестроительства. Живя первые годы революціи в Россіи, нельзя было не ощущать, что сквозь весь ея смрад и угар красною нитью проходила общенародная мечта все поставить на свои мѣста и зажечь настоящей справедливой жизнью. Об этом пафосѣ и его комсомольском преломленіи и говорил Бунаков в Парижѣ. Без этого пафоса не построившая новой жизни Россія не смогла бы ни себя сжечь, ни поджечь остального міра. Что психологическая подлинность этого пафоса нисколько не гарантирует практической «осмысленности» и хозяйственной цѣлесообразности большевицкаго строительства, ясно, и мы этого никогда не отрицали. Будь пафос и положительное творчество одно и то же,

мы не призывали бы к борьбѣ с большевиками, а просто на просто смѣнили бы вѣхи. Мы же зовем и зовем с совершенно недвусмысленной опредѣленностью на упорную борьбу против утопически-безпредметнаго и потому, несмотря на весь свой технической титанизм, в сущности немощнаго духа большевицкаго строительства.

О политически-объективном смыслѣ нашего дѣла возможны и неизбѣжны споры. В принципѣ мы и самі всегда готовы допустить, что, быть может, частично заблуждаемся в нашем анализѣ большевизма и в дѣйственности предлагаемых нами способов борьбы с ним. Мы, право, ни в какой мѣрѣ и степени не доктринеры и скорѣе страдаем чрезмѣрно тонким слухом, чѣм глухотой; но в одном направленіи мы, дѣйствительно, лишены всякаго дара сомнѣній. Мы абсолютно не сомнѣваемся в том, что психологически нас отличает от наших противников справа не болѣе примиренческое отношеніе к большевикам, а другое пониманіе большевизма. Невѣрность всѣх антибольшевицких идеологій, на которых до сих пор строилась борьба против большевиков, заключалась, во-первых, в отсутствіи чувства ответственности за большевизм, а, во-вторых, в глухотѣ по отношенію к той творческой страстности, с которой русскій народ впрягся в коммунистическое дѣло.

Этими ошибками объясняется и то, почему эмиграція проиграла тяжбу с большевиками перед судом общественнаго мнѣнія Европы. Даже в упреках I. В. Гессена «Новому Граду» звучат отголоски ложных эмигрантских нападок на большевиков и ложной самозащиты эмиграціи. Соглашаясь, что эмиграція сообщала много ложных слухов о большевицкой Россіи, I. В. Гессен ссылается на китайскую стѣну, которой окружил себя Кремль, лишив эмиграцію возможности провѣрять доходившіе до нея из Россіи слухи. Провѣрять слухи было, конечно, трудно, но было очень легко не печатать непровѣренных. Соглашаясь с нами, что Европа обратилась за свѣдѣніями к большевикам и стала спиной к эмигрантской литературѣ, I. В. Гессен объясняет это тѣм, что Европѣ «приспичило торговать». Торговать с большевиками Европѣ, дѣйствительно, приспичило, но, вѣдь, ни Ромэн Роллан, ни Бернард Шоу, ни Андрэ Жид, ни художник Фогелер — не торговцы. Рѣчь же идет, в первую очередь, о них, о той передовой и культурной Европѣ, которой мы не сумѣли раскрыть лица большевизма, которую не сумѣли предостеречь от большевицкаго соблазна. И не сумѣли прежде всего потому, что за немногими исключениями, занимались не раскрытіем страшнаго смысла большевизма, а его, — зачастую весьма мелочным, — обезсмысливаніем. В интерпретаціи большевизма не как провинціальной русской «безграмотности», а как провиденціального зла, глубоко связаннаго с судьбами современнаго міра, с его просвѣщенским безбожіем, пустогрудым либе-

рализмом и капиталистическою жадностью, кроется весь пафос новгородскаго исканія, устремленнаго на встрѣчу религіозному, свободѣрческому социализму.

Из всѣхъ мыслей, высказанныхъ І. В. Гессеномъ, наиболѣе тревожной представляется мнѣ мысль, не оказаться бы новгородцамъ такими же утопистами, дон-Кихотами и гоголевскими «Кочкаревыми», какими в концѣ концовъ оказались большевики, не сумѣвшіе слить своихъ «творческихъ замысловъ» съ дѣйствительностью и слящіяся скрыть эту неудачу насильничествомъ своихъ «ударныхъ темповъ». Размышленія І. В. Гессена на эту тему весьма убѣдительны. Не подлежитъ сомнѣнію, что в Россіи все больше и больше развивается «душевная усталость», вызывающая жажду уюта и покоя, неудержимую потребность в нормальной жизненной обстановкѣ, тяготивіе къ тому, что прежде называлось мѣщанствомъ. Нести в такую атмосферу проповѣдь «исканія и творчества» требуетъ, конечно, очень большой смѣлости, и я вполне понимаю всѣ опасенія І. В. Гессена и прежде всего его соображенія о томъ, что ростъ религіозности в Россіи представляетъ собою скорѣе жажду «тихой пристани», чѣмъ «исканія правды на землѣ». И все же я думаю, что І. В. Гессенъ долженъ бы согласиться, что сдаваться на милость исторической діалектики намъ в отношеніи будущей Россіи такъ же не слѣдъ, какъ не слѣдъ, по его же мнѣнію, принимать большевизмъ лишь на томъ основаніи, что логика событій оказалась на его сторонѣ. Конечно, «творческій замыселъ о человѣкѣ завтрашняго дня», в которомъ и І. В. Гессенъ видитъ насущную задачу «всякаго вновь слагающагося политическаго теченія», не можетъ быть безответственною отвлеченною выдумкою. Конечно, онъ долженъ быть связанъ съ тѣми силами, что идутъ на смѣну уходящимъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ ни права, ни необходимости безъ разбора ставить на всѣ новыя силы и прежде всего на тѣ новыя злыя силы, что, всегда находясь въ большинствѣ, всегда обѣщаютъ всякому новому замыслу самый быстрый успѣхъ. Готовность итти — все равно съ кѣмъ, хотя бы съ самимъ чертомъ, лишь бы какъ можно скорѣе впередъ къ своей цѣли — типично большевицкая и, намъ думается, окончательно скомпрометированная тактика. Новгородству она не только чужда, она ему враждебна. То, что многіе принимаютъ в насъ за отсутствіе воли къ борьбѣ, есть не что иное, какъ невозможность для насъ ставки на поверхностные продукты большевицкаго разложенія. Намъ совершенно ясно, что ни безыдейный мѣщанинъ, ни комсомолецъ никогда не смогутъ стать благодарной почвой для распространенія нашихъ идей и устремленій. Наша надежда не на завтрашній элементарный антибольшевизмъ, а на тотъ духовный корень Россіи, который, рано или поздно, долженъ зацвѣсти сложнымъ цвѣтомъ синтетической русской культуры. Наша — по крайней мѣрѣ, наша нынѣшняя задача — не в провоцированіи

быстрых цвѣтений во что бы то ни стало, а в береженіи ростков; скорѣе во возвращеніи духовно взрывчатой катакомбной культуры, чѣм в ударной организаціи узко-политическаго революціоннаго подполья.

Что распад большевицкой диктатуры будет сопровождаться ростом такого узко-политическаго подполья, не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Наша задача должна потому заключаться не столько в пробужденіи слѣпой массовой ненависти к большевикам (эта ненависть уже давно проснулась) сколько в ея возвышеніи, — по крайней мѣрѣ, в отдѣльных людях, — до зрячей и творческой вѣры в истину Новаго Града. Самой важной заботой эмиграціи должна быть забота о том, как бы слагающійся в Россіи и эмиграціи политическій антибольшевизм не остался психологически все тѣм же большевизмом или не превратился в него в процессъ борьбы. Самая главная работа эмиграціи — должна быть работой над внутренним раз-большевиченіем всѣх поднимающихся против большевизма сил, т.-е. уничтоженіем большевизма в корнѣ, а не только в его коммунистическом обличьи. Этою задачею и опредѣляется новгородскій замысел «о человѣкѣ завтрашняго дня».

Россія далека. Как ни изощрай своего взора, как ни напрягай слуха — облик ея остается смутен, и размышленія о ней гадательны. Извѣстныя слова Тютчева: «умом Россіи не понять, в Россію можно только вѣрить», звучат в наши дни не призывом к какому-то высшему мистическому познанію, а простою кантуляціей перед фактом нашего эмигрантскаго бытія. Скорбным утѣшеніем нам служит впрочем то, что Россія нынѣ и сама себя не знает. Самопознаніе требует свободнаго творчества и нравственнаго мужества. Ни того, ни другаго в Совѣтской Россіи нѣтъ. Самое потрясающее своею точностью, что довелось слышать от пріѣзжаго из Россіи, была фраза: «Страшно, что, смотрясь в сумерки в зеркало, иной раз не знаешь --- кто предатель — ты, или он...».

Все это так. И все же, всматриваясь в повисающее над Россіей марево, как будто различаешь три основных типа совѣтских людей, частично же, быть может, и три слоя чувств в наиболѣе сложном совѣтском человѣкѣ.

Уходят из жизни старые большевики: «блудные сыны» (Бунаков) свободолюбиваго интеллигентскаго ордена. С ними вмѣстѣ исчезают из сознанія ближайших наследников «старомодные» идеалы свободы, равенства, пацифизма, прогресса, «на товарищескій» лад, «рыцарскаго» отношенія к женщинѣ, идеи жертвы, подвига и многое другое; одним словом, вся система социалистически-гуманистических цѣлей революціи.

Своим ближайшим преемникам старая большевицкая гвардія оставляет не систему своих цѣлей, а вынужденную жизнью систему

революціонных средств: самонадѣянность, презрѣніе к чужой вѣрѣ, жестокость воли, примитивность мысли, мужество осуществленія любого замысла, пафос борьбы, войны и новаго национализма. Если старая гвардія, породившая революцію, еще имѣла какое-то отношеніе к слову Маркса, о необходимости борьбы за «реальный гуманизм», то порожденная революціей новая большевицкая армія этого отношенія уже ни в какой мѣрѣ и степени не чувствует.

В этой своеобразной обстановкѣ, среди мертвых революціонных идей и безыдейных революціонеров, в которых «октябрь» все еще жив как фактъ, но уже давно мертвъ как смысл, вырастает третье поколѣніе уже не сынов, а внуков октября.

К этому поколѣнію, которому сейчас 14-18 лѣтъ, облик котораго мы, даже в ярком свѣтѣ нашей вѣры в Россію и интуитивнаго предчувствія ея пути, лишь смутно разгадываем по разсказам совѣтских людей и пламкам в совѣтской литературѣ, и обращаемся мы с нашею проповѣдью. Конечно, не в утопической надежде, что на с услышат и на м на слово повѣрят, а в трезвом расчетѣ на время и на самостоятельную духовную работу русской молодежи. Как бы ни пыталось совѣтское государство духовно связать ее по рукам и по ногам, она неизбежно должна будет задуматься над тѣм, почему дѣдам не удалось осуществить рай на землѣ, почему свѣтлый рай превратился в мрачный застѣнок. Задумавшись же, оно должно будет само натолкнуться на тот путь живой вѣры, реальной (духовной и матеріальной) свободы и конкретной (любящей живого русскаго человека, а не отвлеченнаго пролетарія) справедливости, на который зовет «Новый Град».

Думаю, что послѣ всего сказаннаго, І. В. Гессен согласится с нами, что, и игнорируя первопланшых, так сказать, наследников большевизма, — усталых обывателей и темных воротил — мы не рискуем оказаться иллюзионистами-утопистами, доп-Кихотами. Не рискуем потому, что, во-первых, сознательно мѣтим в далекую цѣль, а, во-вторых, потому, что твердо уповаем на ту духовную первооснову жизни, которой можно без конца измѣнять, но которой никогда нельзя отмѣнить.

Ф. Степун.

К ДѢЛУ

Есть в нѣкоторых наших современных установках свойства, внушающія мнѣ чувства крайняго противленія. И, к сожалѣнію, эти свойства особенно сильны в теченіях, имѣющих касательство к пореволю-